

Проблеми на балканското и славянското езикознание. Международна научна конференция, 14–15 ноември 2008. ВТУ “Св. св. Кирил и Методий”. В. Търново. 2010, 326–341.

ЕСТЬ ЛИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ ЗВУКОСИМВОЛИЧЕСКИЕ СЛОВА?¹

Живка Колева-Златева

An opinion that words of synesthetic sound symbolic origin (i.e. words with a direct linkage between their sound form and non-sound meaning) are not inherent to Slavic languages is expressed in many linguistic papers. These kinds of words are missing in etymological dictionaries of Slavic languages too. This fact, however, contradicts the typological assumption of primitiveness and universality of phonetically motivated words.

The present paper presents an idea that synesthetic sound-symbolic words are resident in Slavic languages similarly and their identification can be based on typological criteria. If a series of words which convey the same non-sound meaning contain reduplicated clusters of sounds, they could be continuants of a synesthetic sound symbolic etymon.

Keywords: etymology, synesthetic sound symbolism, onomatopoeia, reduplication

1. Терминология

Вслед за С. В. Ворониным (1982: 88) под звуко-символическими, или образоподражательными, будем понимать слова, чья звуковая форма на основании синестезии (или синестемии)² возникла как подражание незвуковым образам, чаще всего зрительным, но также тактильным, обонятельным, вкусовым, эмоциональным. Относительно данного вида слов употребляются также термины: «идеофоны» (Dock 1935: 118; Абаев 1986), «синестетический звуко-символизм» (Hinton et al. 1994: 4–5; Allan 2001: 138; Ibarretxe-Antuñano 2004: 101), «синестетические идеофоны» (Tedlock 1999: 118), «звукоописывающие слова» (Gombocz 1913), «естественная звуковая метафора» (Вундт 1912) и др. Звуко-символические слова следует различать от звукоподражательных слов, которые возникли как подражания звуковым образам. Вместе взятые, оба разряда составляют класс звукоизобразительных (с прямой связью между формой и значением), фонетически мотивированных, ономатопоэтических (первозданных) слов и иконических языковых знаков (со сходством между формой и значением).

2. Постановка проблемы

Накопленный богатый эмпирический материал вместе с теоретическими и экспериментальными исследованиями доказал реальность звукоимеализма. Сложилось, однако, мнение, что звукоимеализмические и вообще звукообразительные слова не характерны для всех языков в одинаковой степени, что они отсутствуют в западноевропейских, славянских и классических языках.

Такая точка зрения отражена, во-первых, в теоретических исследованиях. Так, например, ссылаясь на исследования разных авторов, К. Ш. Хусаинов отмечает относительно звукообразительных слов в целом, что «они гораздо чаще встречаются в тюркских, тунгусо-маньчжурских, палеоазиатских, финно-угорских, кушитских, чадских, корейском, японском и других языках евроазиатского и европейского континентов, чем в классических европейских, славянских и некоторых других языках» (1990: 158). Подобный вывод представлен также в статье Г. П. Мельникова, озаглавленной: «Почему не во всех языках есть идеофоны?» (1969), в обобщающей работе Дж. Наколс, где отмечено, что бросающийся на глаза факт отсутствия идеофонов в западноевропейских языках продолжает озадачивать лингвистов, антропологов, психологов (Nuckolls 1999: 228), в статье Д. Крайселса, в которой отмечено, что африканские идеофоны не соответствуют ни одной из традиционно признанных категорий слов европейских языков (Creissels 2001: 75).

Точка зрения о неодинаковом распространении звукоимеализмических слов в разных языках пересекается с фактом, что в этимологических словарях индоевропейских, в том числе и славянских, языков почти нет гипотез о звукоимеализмическом происхождении слов. Зато есть немало слов, о которых сказано, что являются «темными». Есть также слова, которые лишь квалифицированы как «аффективные» или «экспрессивные», что не объясняет механизма их образования (см., например, ЭССЯ, II: 171; ЕСУМ, IV: 10, 334). Иногда используются довольно неясные квалификации. Например, ЭССЯ говорит о «полисемантической основе» слова **bob-* (II: 148), относительно псл. **bobyрь* словарь отмечает возможность трактовки всего слова как «звукоподражания или с х о д н о г о о б р а з о в а н и я» (II: 150; выделено мной: Ж. К.-З.). Отметим, что это слова, для которых можно доказать звукоимеализмическое происхождение.

3. Универсальность звукообразительных слов

А есть все основания считать, что звукоимеализмические и вообще звукообразительные слова в целом являются универсальной языковой категорией (1) по

силе своей когнитивной примитивности, что доказывается данными психолингвистики развития (преобладание в ранней детской речи, см. Werner–Kaplan 1963: 47; Шахнарович 1979: 169; Reich 1986: 37), невролингвистики (управление более древним, обладающим более примитивными функциями, правым полушарием, см. Баллонов–Деглин 1976: 193–194; Якобсон 1985: 271, 274, 283), лингвистической антропологии (изобилие в языках примитивных обществ, см. Nuckolls 1999: 226–228) и (2) по силе своего соответствия общим законам языка (стремление к иконичности, см. Waugh 1993: 84, Wescott 1971).

Возможно, что мнение о сильно различающемся количестве звукоизобразительных слов в разных языках сложилось из-за того, что сравниваются языки, которые находятся на разных стадиях развития, языки с разными традициями: функционирующие преимущественно в устной форме и нормированные литературные языки. В одном случае они описываются на основании исследования их устных форм, в другом – на основании, прежде всего, письменных текстов.

4. Признаки звукосимволических слов

Большинство признаков звукосимволических слов (прагматические, семантические, грамматические, фонетические, структурные и интерлингвистические) являются общими для всего класса звукоизобразительных слов, но часть семантических характерны только для них, звукосимволических слов. К прагматическим признакам звукоизобразительных слов многие исследователи на первом месте относят их использование в устных регистрах языка (Nuckolls 1992; Kilian-Hatz 2001: 155–156). Некоторые из них отмечают также, что звукоизобразительные слова делят с жестами общую паралингвистическую категорию (Childs 1994: 181; Kunene 2001: 183–184). К общим семантическим признакам звукоизобразительных слов авторы относят эмотивность, экспрессивность, образность (Воронин 1982: 89) конкретность, что предполагает отсутствие гипонимов (Воронин 1982: 89; Childs 1994: 188; Klamer 2002: 258), семантическую диффузность (Колева-Златева 2004: 25). Специфические семантические признаки звукосимволических слов связаны с их референцией, с обозначением незвуковых образов. С. В. Воронин отмечает, что звукосимволические слова обозначают простейшие элементы психофизиологического универсума человека и подчеркивает, что среди всех типов образов наибольшее количество возможных признаков приходится на долю зрения: «движение, (мгновенное/длительное, быстрое/медленное, резкое/мягкое, неров-

ное/ровное, непрерывное/прерывистое, беспорядочное, скользящее), статика (удаленность – близкое/далекое, размер – большое/маленькое, форма – округлая/искривленная, заостренная, вытянутая)» (1982: 88–89). Самым ярким грамматическим признаком звукоизобразительных слов считается их морфологическая гипераномальность (Воронин 1982: 89; Childs 1994; Voeltz–Kilian-Hatz 2001: 2). В структурном отношении в звукоизобразительных словах отмечается редупликация (Поливанов 1968: 301–302; Воронин 1982: 89; Nichols 1971: 841). Фонетическая аномальность – это признак звукоизобразительных слов, который наиболее всего бросается в глаза (Childs 1994; Voeltz–Kilian-Hatz 2001: 2). Аномальность проявляется как в синхроническом аспекте: в нетипичной дистрибуции фонем (Vértes 1965: 161; Elders 2001: 99–100), использовании специфических фонем (обычно заимствованных) (Malkiel 1990: 158; Jarva 2001: 111), относительном единообразии формы, фонетической гипервариативности (Воронин 1982: 89), так и в диахроническом аспекте: в неподчинении фонетическим законам (Абаев 1986: 20; Скаличка 1967: 284; Anttila 1972: 85–86; Бурлак–Старостин 2005: 50), которое может быть в связи с сохранением иконичности (Malkiel 1990: 44; Waugh 1993: 74) или с эмоциональностью, экспрессивностью слов. Интерлингвистическим признаком звукоимпульсивных слов согласно С. В. Воронину (1982: 89) является их формально-семантическое типологическое сходство в разных языках.

5. Иконичность звукоимпульсивных слов

Иконичность звукоимпульсивных слов постигается за счет иконичности звуков и иконичности редупликации. Например, Дж. Охала (Ohala 1994: 340–341), ссылаясь на исследования многих авторов, делает следующее обобщение об устойчивой связи образов ‘маленького’ и ‘большого’ и звуков с определенными качествами. Образ ‘маленького’ символизируется высоким тоном, гласными с высоким вторым формантом (F2) [i, y, e], согласными с высокой частотой (апикальными, палатальными, глухими). Образ ‘большого’ символизируется низким тоном, гласными с низким вторым формантом (F2) [a, u, o], согласными с низкой частотой (лабиальными, велярными, ретрофлексивными, фарингальными, звонкими). Сделаны выводы также о символизации других образов, на которой не будем останавливаться из-за ее более ограниченного проявления.

Согласно Т. Региеру (Regier 1998: 887–889) в основе разнообразных значений, выражаемых редулицированными формами, стоят три иконические связи. Это связи с

образами грудного ребенка, повторения и множественности. Далее в результате семантического развития редуплицированная форма может начать связываться с другими образами, производными от данных (см. схему. 1.).

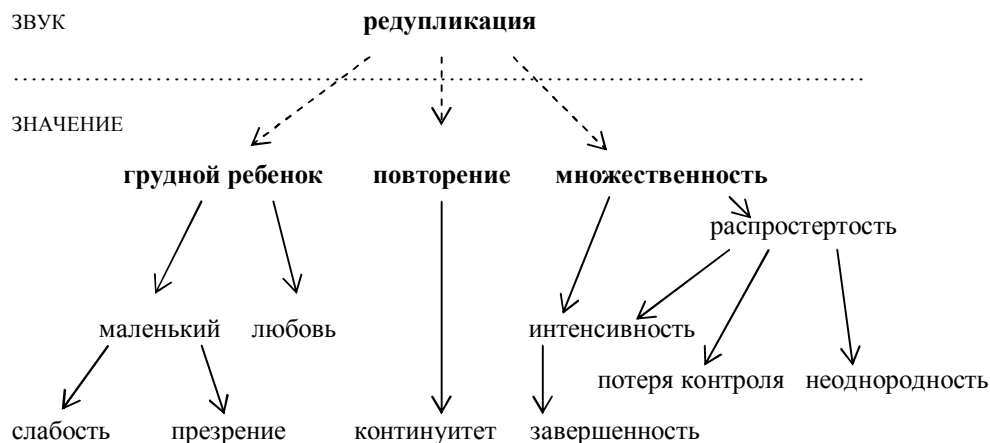

Схема 1.

Грудной ребенок

Поскольку редупликация характерна для речи грудных детей и для регистра речи взрослых, обращенной к ним, редуплицированные языковые формы иконическим способом связываются с образом грудного ребенка. Семантическим способом с образом грудного ребенка связаны образы любви и «маленького». Связь между образами грудного ребенка и любви, привязанности, по словам автора, является «прагматически естественной». Связь образа «маленького» с образом грудного ребенка предопределена «перцептивно выпуклым» (perceptually salient) фактом, что грудные дети маленькие. Со своей стороны, образ «маленького» ассоциируется с образами слабости, смягчения интенсивности признака (маленькое является слабым) и презрения (маленькое вызывает презрение; презируемое представляется маленьким).

Повторение и множественность

Факт, что редупликация звуковой формы иконическим способом связывается с представлениями о повторении и множественности, не требует специальных доказательств: редупликация – это повторение, и «больше чем один» может метонимическим способом замещать множественность. Со своей стороны, повторение ассоциируется с образом континуитета (непрерывности, преемственности), так как ведет к нему. Образ множественности ассоциируется с образом распростертости/распространения (разбрызгивания, разбрасывания, рассеивания), так как результатом распространения является

наличие многих объектов во многих местах. С образами множественности и распространенности/распространения (точнее, с его результатом – увеличением в объеме) связан образ интенсивности, насыщенности. Образ интенсивности, насыщенности ведет к образу завершенности (интенсивное осуществление какой-либо деятельности ведет к результату ее завершения). Образ распространения в пространстве ассоциируется с образами потери контроля над объектом и беспорядка (потеря контроля ведет к рассыпанию, разбрасыванию). С образом разбрасывания в пространстве связан образ неоднородности: отсутствие однообразия в состоянии объектов метафорически связывается с отсутствием однообразия в их локализации, которое является результатом распространения (Regier 1998: 887–890).

Т. Региер высказывает предположение, что данная схема охватывает далеко не все значения (или образы), которые могут быть выражены редуцированными языковыми формами (Regier 1998: 891). По всей вероятности, возможны добавления и уточнения связей между значениями (образами). Например, на основании известной универсалии, что деминутивные формы часто выражают гипокористические значения, в представленной выше схеме стрелкой можно связать и образ «маленького» с образом «любимого». Возможна также двусторонняя связь и между образами «слабости» и «презираемого» (презираемое представляется слабым; слабое вызывает презрение). Также и от образа распространенности может быть получен образ «большого» (распространение в пространстве ведет к увеличению в объеме), от образа неоднородности – образ «кривого» («кривое» состоит из неоднородных элементов) и т.д. Отметим, что, в конечном счете, в гипотезе Региера важно именно то, что сформулирован принцип, на основании которого могут быть получены звуко-символические значения, выражаемые формами с редупликацией.

6. Распознавание звуко-символического происхождения слова

В течение длительной эволюции многие звуко-символические слова способны «замаскировать» свое происхождение и смешаться с обычными словами, приобретая их функциональные, формальные, структурные и семантические свойства. Таким образом, не все из указанных признаков звуко-символических слов будут применимы для распознавания денатурированных из них. Так, в процессе своей эволюции звуко-символическое слово может утратить фонетическую и грамматическую аномальность, может приобрести вполне структурированное лексическое значение, в рамках определенной

категории может начать выражать понятие высшего порядка, с которым соотносятся субординатные понятия (в традиционной терминологии: иметь гипонимы). Это вполне закономерный процесс, обусловленный тенденциями языкового развития и закономерностями эволюции познания. В результате регулярных фонетических изменений, которым в известной степени подчиняются и фонетически мотивированные слова (особенно слова, находящиеся на пути к своей закономерной конвенциализации), может утратиться символика (а также и иконичность), базированная на звучании тех или иных звуков или звуковых структур. В результате подчинения фонетическим законам в слове может произойти и такое изменение звука, при котором он может перейти в звук имеющий противоположное фонетическое значение (конечно, если такое выражено). Например, и.-е. **i* (символизирующий что-либо маленькое, если имеет фонетическое значение,) в праславянском переходит закономерно в **ь*, который в сильной позиции в русском языке переходит в *e*, изменяющийся впоследствии в *o* в позиции после мягкого перед твердым согласным звуком. Ср., например, с и.-е. **lin-* > псл. **lьnъ* > русск. *лен* [л'он]. Также и тенденция к делабиализации, явившаяся двигательной силой развития фонологической системы раннего праславянского, привела к утрате лабиальности многих вокалов и веляров, что могло отразиться и на утрате символизирующей функции лабиальности в звукосимволических словах. Поэтому символизация конкретных звуков не может быть надежным критерием в этимологии, особенно для слов, прошедших длинный путь развития.

Среди всех признаков звукосимволического слова с диахронической точки зрения наиболее устойчивым и, следовательно, наиболее надежным для их распознавания является р е д у п л и к а ц и я. Как структурный признак, она труднее всего поддается «маскировке». Если в слове налицо редупликация и нет возможности для ее морфологической трактовки (т. е. для выражения идеи множественности, собирательности для существительных, продолжительности, законченности действия для глаголов, интенсивности, высокой степени проявления признака для прилагательных), ее роль в слове может быть словообразовательной, а слово – фонетически мотивированным. Если наблюдаются параллельные случаи выражения одного и того же значения (или значений, выводимых из одного и того же исходного значения) формами, содержащими редулицированные звуковые комплексы, то этот факт может свидетельствовать о прямой связи между формой и значением слов, т. е. о звукоизобразительности. Такие дополнительные факты, как формальная вариативность, разнообразие значений, выражаемых

одной и той же формой или близкими формами с редупликацией, подкрепляют гипотезу о звукоизобразительном происхождении слова. И если нет основания для предположения его звукоподражательной мотивированности, то, по всей вероятности, налицо образоподражательная мотивированность.

7. Славянская лексика с редупликацией

Рассмотрим некоторые ряды славянских слов с формально-семантическим параллелизмом. Они содержат редулицированные звуковые комплексы (редупликация полная или неполная) и выражают значения, выводимые из одного и того же первоначального «незвукового» значения. На этом основании предполагаем для них звуко-символическое происхождение.

Названия маленьких шарообразных предметов

Значения этой группы слов можно объяснить как результат семантического развития, включающего звенья: 'что-то маленькое' > 'маленький предмет овальной формы' (маленькие предметы обычно овальные, валяются). Ср.:

сербохорв. *bó-b-a* 'что-либо маленькое, округлое' (RJA, I: 463), укр. *би-б-ка* 'шарик маленький' (Гринченко, I: 59);

чешск. *bam-bul-e*, *bam-bul-a*, дем. *bam-bul-ka* 'что-либо круглое', словацк. *bam-bol-es*, *bot-bol-es*, *brm-bol-es* 'то же', укр. диал. *бом-буль-ка* 'маленький шарообразный предмет' (цит. по Machek 1971: 44), болг. диал. *бум-бал-эс* 'шарообразный' (Илчев 1962: 187), н.-луж. *bot-bol-ickaty* 'шишковатый, узловатый' (Мука, I: 62, 63); укр. диал. *бóм-бель* 'фасоль' (цит. по ЕСУМ, I: 228), болг. диал. *бум-бал-э* 'вид мелкой фасоли шарообразной формы' (Илчев 1962: 187), болг. диал. *бъм-бул-къ* 'вид синей сливы, более округлой формы, чем обычная' (Ковачев 1968: 193);

сербохорв. *bu-bùl-ica* 'узелок в пряже; маленькая шарообразная слива; прыщ', *bu-bùl* 'овальный камень, камешек' (RJA, I: 702), *bu-bl-inka* 'пузырь в воде', *bu-bòl-ica* 'пузырь, прыщ' (RJA, I: 700); н.-луж. *bu-bl-išk* 'развивающийся бутон или почка; пуговка' (Мука I: 89), укр. *бу-бл-ях* 'бутон' (цит. по ЕСУМ, I: 274); чешск. *bo-bul-e* 'ягода' (PSJČ, I: 156), словацк. *bo-bul'-a* 'ягода' (SSJ, I: 109), сербохорв. *bo-bùl-ica* 'пилюля' (RJA, I: 466); чешск. *bou-bel* 'волдырь, угорь', *bu-bl-ina* 'пузырь' (PSJČ, I: 174, 208);

чешск. диал. *ga-gal-ka* 'недоразвитый плод груши', *ga-gal-(k)a*, *za-ga-gal-ka* 'маленький, неспелый, кисловатый плод' (цит. по Machek 1971: 148); ст.-польск. *go-gól-ka*

‘молодая завязь плода на дереве’ (Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 866); польск. *gu-gul-a* ‘ягода малины еще не спелая, но слегка румяная’ (с пометой о неясном происхождении), диал. *gu-gul-ka* ‘неспелый плод вишни’ (Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 939); русск. диал. *го-гóл-ья* ‘комочки муки в жидком овсяном растворе для блинов или в блинах’ (СРНГ, VI: 264); *го-голь*, мн. *го-гл-и* ‘поплавок’ (Даль 1955, I: 364); сербо-хорв. *go-goł-ak* ‘пузырь’ (RJA, III: 242); болг. диал. *га-гáл-ка* ‘грязь под хвостом овцы в виде комьев’, *га-гáль-кя* ‘утолщение на нитке’ (цит. по БЕР, I: 222); болг. диал. *га-гýл-ка* ‘комочек неразмешанного теста’ (Стойчев 1970, 162);

укр. диал. *ган-гýл-ики* ‘комочки навоза на шерсти скота’ (цит. по ЕСУМ, I: 467);

русс. диал. *гур-гýл-я* ‘шишка, нарост на теле’ (СРНГ, VII: 238), укр. диал. *гур-гýл-а*, *гор-гóл-я* ‘нарост на дереве; шишка, опухоль’ (цит. по ЕСУМ, I: 623), ‘бородавка; носок обуви’ (цит. по Рудницький, I: 890);

русс. диал. *га-гáр-ышки* ‘какие-либо шарики небольшого размера; овечий кал’ (СРНГ, VI: 89);

н.-луж. *кул-к-а* ‘шарик; картофель; клецки (блюдо); щиколка на ноге или руке; головка булавки’ (Мука, I: 740);

болг. *пу-пол-ец* ‘шарообразный предмет’, *пу-пýл-чя* ‘шарик’ (Геров, IV: 398);

болг. *ши-ш-ка* ‘шарик’ (Геров, V: 583), русск. *ши-ш-ка* ‘гулька, волдырь, нарост, пухляк, желвак’ (Даль 1955, IV: 636–637) и др.

Ласкательные названия

Значения данных слов являются результатом семантического развития иконической связи редуцированной формы с грудным ребенком: ‘маленькое’ > ‘милое’. Ср.

польск. *bo-bo* нежно ‘о маленьком ребенке’ (Doroszewski, I: 582); русск. диал. *бý-б-ик* ласковое обращение (СРНГ, III: 233);

русс. диал. *мор-мул-ёнок* ‘милый, возлюбленный’ (СРНГ, XVIII: 268); болг. диал. *мòр-мул-че* ‘ребенок в животе у матери’ (цит. по БЕР, IV: 245);

русс. *пý-на* ‘ласковое обращение к маленьким детям’ (СРНГ, XXX: 126);

русс. диал. *пý-пл-ыш* ‘новорожденное дитя, малыш’ (СРНГ, XXX: 129);

русс. диал. *пу-пýр-ыш* ‘ребенок’ (цит. по Фасмер, III: 408);

русс. *ца-ца*, *ця-ця*, *ца-ц-ка* ‘послушный ребеночек’ (Даль 1955, IV: 571);

белорусск. *ца-цáн-ка* ‘милая, приятная вещь’, укр. *ця-ця́нка* ‘милая, приятная вещь’ (цит. по Вору́с 2005: 50); польск. разг. *ciu-ciuń-ka*, *ciu-ciul-ka* ‘о маленьком ребен-

ке; о любимом человеке'; болг. разг. *чо-чи* ласковое обращение к маленькому ребенку, любимому животному; болг. разг. *шу-ши* ласковое обращение к любимому существу; *шу-шул-че, шу-шон-че* то же (слова встречаются и в Интернете) и др.

Названия отходов, плохой еды, напитков

Для слов данной группы возможно семантическое развитие иконической связи с грудным ребенком: 'маленькое' > 'презираемое' > 'плохое'. Ср.:

польск. *bim-ber* 'водка, приготовленная нелегально, примитивным домашним способом, самогон' (Doroszewski, I: 523);

польск. диал. *ber-bel-a* экспр. 'водка', *ber-bel-ucha* редко, *be-bel-ucha* экспр. 'водка плохого качества; самогон; жидкая еда, бурда' (SGP); чешск. *bre-ber-ka, bre-ber-ice, bre-ber-ija, bre-ber-ina, b(r)e-ber-uše, ger-gel-ica* 'водка, самогон', словацк. *bre-ber-ka* 'то же' (цит. по Machek 1971: 66); русск. диал. *бала-бóл-ка* 'пойло для коровы с мукой или отребьями' (СРНГ, II: 66);

польск. диал. *be-bl-y* 'помои' (SGP);

укр. диал. *ля́-г-и* 'кушанье из баранины, растительного масла, муки, с соусом с перцем и зеленой петрушкой' (цит. по ЕСУМ, I: 531); ст.-чешск. *hlu-z-a* 'какая-то еда' (Gebauer, I: 434), русск. квал. *кльг-г-а* 'брага, плохое пиво' (цит. по Фасмер, II: 255);

русс. диал. *дú-дарь* ж. р. 'сор, мусор', *дú-дор-а* 'что-либо плохое, непригодное; хлам, мусор, дрянь, рухлядь' (СРНГ, VIII: 247, 250);

укр. устар. *кор-ч-ма* 'хмельной напиток' (<*кър-к-ьта), диал. *кор-чов-ка* 'самогон', цслав. *кръ-чь-ма* 'крепкий напиток' (цит. по ЕСУМ, III: 46);

сербохорв. *кр-коль* 'мешанина' (РСА, X: 600); болг. *кър-кíшь* 'каша из кукурузной муки, разбавленная водой; жидкая каша из хлеба, бурда, пойло' (Геров, II: 445);

болг. диал. *лан-гър-ица* 'плохая еда', *лун-гур-дия* 'плохо приготовленная еда' (цит. по Москов 1969: 179);

укр. диал. *ма-мр-óта* 'отходы при очищении нефти, которые используются как коломазь' (цит. по ЕСУМ, III: 377);

болг. диал. *мър-мáл-я* 'каша из кукурузной муки' (цит. по БЕР, IV: 415);

русс. диал. *мó-мр-инье* 'еда, жратва', *мó-мр-ить* 'объедаться' (СРНГ, XVIII: 251);

русс. диал. *шуру-бáра* 'гречневая каша-размазня', *шуру́-барки* мн. ч. 'мясные клецки в супе, шах' (цит. по Фасмер, IV: 490) и др.

Названия кривых предметов

Для данной группы слов с редупликацией возможно семантическое развитие иконическим способом созданного образа множественности: 'множественность' > 'распростертое' > 'неоднородное' > 'кривое'. Ср.:

болг. диал. *га-гáль* 'крюк' (цит. по БЕР, I: 222); русск. диал. *го-гýл-ечка* 'загнутый конец трости' (СРНГ, VI: 265);

болг. разг. *гер-гел-ици* 'неразборчивые буквы'; польск. диал. только мн. *gry-gol-y* 'каракули, неряшливое, некрасивое, неразборчивое письмо', *gry-gol-ić* 'писать неряшливо, неразборчиво; царапать, марать' (SGP);

болг. диал. *кър-кол-ица* 'кривая линия' (цит. по БЕР, III: 206), польск. диал. *kar-kul-ica* 'палка с загнутой рукояткой', *kra-kul-a*, *kar-kul-ica*, *kra-kul-ica* 'кусочек кривого дерева, кривое дерево' (Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, II: 270, 526); русск. *кара-кул-и* 'неразборчивые, неумело или небрежно написанные буквы'; польск. диал. *kara-kul-y*, *kara-kul-e*, *kara-kul-asy* 'некрасивое, нечитабельное письмо' (Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, II: 257);

в.-луж. *ко-кул-а* 'изгиб, крюк' (Pfuhl: 266), н.-луж. *ко-кул-ка* 'маленький изгиб, извилина; крючок' (Мука, I: 654);

словацк. *kľu-k-atý* 'кривой, изогнутый' (SSJ, I: 706), в.-луж. *klu-k-aty* 'искривленный, погнутый' (Pfuhl: 259), болг. диал. *кľю́-к-ав* 'искривленный, поломанный' (цит. по БЕР, II: 483), чешск. *kli-k-atý* 'извилистый' (PSJČ, II: 139) и др.

Названия больших предметов

Для данной группы слов с редупликацией возможно следующее семантическое развитие иконическим способом созданного образа множественности: 'множественность' > 'распростертое' > 'большое'. Ср.:

укр. диал. *бам-бур-á* 'большая грубая вещь' (цит. по ЕСУМ, I: 131);

сербохорв. *бо-бол-ицé* 'большое количество' (RJA, I: 464);

болг. диал. *гáн-гар-ица* 'большая воздушная кукуруза' (цит. по БЕР, I: 229);

русс. диал. *га-гáр-а* 'сильно разросшийся лук; лук с несколькими луковицами' (СРНГ, VI: 88);

болг. *пýм-пал-ица* 'большой камень' (цит. по БЕР, V: 852);

русс. диал. *це-цýл-я* 'большой ломоть хлеба', *цо-цýл-я* 'нескромно большой ломоть', *че-цýл-я* 'большой ломоть хлеба или пирога' (Даль 1955, IV: 574, 575, 602);

болг. разг. *тан-тур-ест* ‘большой, несоразмерный, громоздкий (о человеке, о вещи)’ и др.

Слова, обозначающие расширение в объеме

Близко к словам предыдущей группы стоят слова, для которых распростертость воспринимается в ее динамике, как стремление к увеличению объема. Ср.

болг. диал. *на-ко-кóш-ва са* ‘(об одежде) надуваться от ветра’ (цит. по БЕР, II: 541);

болг. диал. *под-ку-кур-úжва се* ‘(о корочке), которая набухает и скоро упадет’ (цит. по (БЕР, III: 109));

укр. диал. *го-гóр-итися* ‘важничать, чваниться’, *гó-гур-ом* ‘надуто, чванливо’ (цит. по ЕСУМ, I: 543);

чешск. *še-šeř-iti* ‘трепать (волосы), ерошить’, словацк. *še-čer-it’* ‘то же’ (цит. по ЭССЯ, IV: 32);

болг. *ше-шёр-я се* ‘дуться’ (Геров, VI: 330);

русс. диал. *хор-хór-а* ‘взъерошенная курица’ (цит. по Фасмер, IV: 269) и др.

Итак, данные ряды слов с формально-семантическим параллелизмом могут быть дополнены и другими рядами слов, для которых характерен тот же формально-семантический параллелизм: содержат редуцированные звуковые комплексы и выражают значения, выводимые из одного и того же первоначального значения (что свидетельствует о прямой связи между формой и значением слов). Более подробно такие примеры см. в (Колева-Златева 2008).

Литература:

Абаев 1986: В. И. Абаев. Как можно улучшить этимологические словари // *Этимология* 1984. Москва: «Наука», 7–27.

Баллонов–Деглин 1976: Л. Я. Баллонов, В. Л. Деглин. *Слух и речь доминантного и недоминантного полушарий*. Ленинград: «Наука».

БЕР: *Български етимологичен речник*. София: Издателство на БАН, 1971–

Бурлак–Старостин 2005: С. А. Бурлак, С. А. Старостин. *Сравнительно-историческое языкознание*. Москва: «Академия».

Воронин 1982: С. В. Воронин. *Основы фоносемантики*. Ленинград: Изд. Ленинградского университета.

- Вундт 1912: В. Вундт. Звукоподражания и звуковые метафоры // В. Вундт. Проблемы психологии народов. Москва: «Космос». Online: <http://www.bookap.by.ru/clasik/vundt/gl7.shtml>, Date of access: 19.10.2007.
- Геров: Н. Геров. Речник на българския език. Фототипно издание. Т. I–VI. Т. VI събрал, наредил и изтълкувал Т. Панчев. София. (1895–1908), 1975–1978.
- Гринченко: Б. Гринченко (Упор.). Словар української мови. Т. I–IV, Київ, 1907–1909.
- Даль 1955: Вл. Даль Толковый словарь живого великорусского языка. Набрано и напечатано со второго издания 1880–1882. Москва.
- ЕСУМ: Етимологічний словник української мови. У 7-ми т. Т. I–V. АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. Ред. кол. О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. Т. I–V. Київ: «Наукова думка», 1982–2006.
- Илчев 1962: Ст. Илчев. Към ботевградската лексика // Българска диалектология. Проучвания и материали. Т. I. София: Издателство на БАН, 183–205.
- Ковачев 1968: Ст. Ковачев. Троянският говор // Българска диалектология. Проучвания и материали. Т. IV. София: Издателство на БАН, 161–242.
- Колева-Златева 2004: Ж. Колева-Златева. О типологических критериях распознавания слов звуко-символического происхождения в этимологических исследованиях (На материале индоевропейских языков) // Slavica. 33. Debrecen, 23–42.
- Колева-Златева 2008: Ж. Колева-Златева. Славянская лексика звуко-символического происхождения. Дебрецен: Debreceni Egyetem.
- Мельников 1969: Г. П. Мельников. Почему не во всех языках есть идеофоны? // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Ленинград: «Наука», 60–63.
- Москов 1969: Турски и тюркски заемки от звукоподражателен характер в балканските езици // Годишник на Софийския университет. Т. LXII. София: „Наука и изкуство”.
- Поливанов 1968: Е. Д. Поливанов. По поводу звуковых жестов японского языка // Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. Москва: «Наука», 295–305.
- РСА: Речник српскохрватског књижевног и народног езика. Београд, Кн. I–, 1959–
- Рудницький: Етимологічний словник української мови: У 2-х т. Укл. Ярослав Рудницький. Вінніпег–Оттава, 1962–1982.
- Скаличка 1967: В. Скаличка. Исследование венгерских звукоподражательных выражений // Пражский лингвистический кружок. Сборник статей. Москва: «Прогресс», 277–316.
- СРНГ: Словарь русских народных говоров. Т. 1– (ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов), Ленинград: «Наука», 1965–

- Стойчев 1970: Т. Стойчев. Родопски речник // Българска диалектология. Проучвания и материали. V, София: Издателство на БАН, 152–221.
- Фасмер: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Москва, 1986–1987.
- Хусаинов 1990: К. Ш. Хусаинов. О причинах количественного различия звукоизобразительных слов в разносистемных языках // Проблемы этимологии тюркских языков. Алма-Ата: «Гылым», 158–163.
- Шахнарович 1979: А. М. Шахнарович. Психолингвистические проблемы овладения общением в онтогенезе // Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Шахнарович А. М., Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. Москва: «Наука», 148–191.
- ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков. Под ред. О. Н. Трубачева. Москва, 1974–
- Якобсон 1985: Р. Якобсон. Мозг и язык // Избранные работы. Москва: «Прогресс», 270–286.
- Allan 2001: K. Allan. Natural Language Semantics. Blackwell Publishing.
- Anttila 1972: R. Anttila. An Introduction to Historical and Comparative Linguistics. New York: Macmillan.
- Boryś 2005: W. Boryś. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: WL.
- Childs 1994: G. T. Childs. African ideophones // Sound Symbolism. Eds. L. Hinton, J. Nichols, J. Ohala. Cambridge: Cambridge University Press, 178–204.
- Creissels 2001: D. Creissels. Setswana ideophones as uninflected predicate lexemes // Ideophones. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). Typological Studies in Language 44. Amsterdam: John Benjamins Press, 74–85.
- Dock 1935: C. M. Dock. Bantu Linguistic Terminology. London: Longmans. Green.
- Doroszewski: W. Doroszewski. Słownik języka polskiego. T. I–XI. Warszawa: WPN, 1958–1969.
- Elders 2001: S. Elders. Defining ideophones in Mundang // Ideophones. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). Typological Studies in Language 44. Amsterdam: John Benjamins Press, 63–74.
- Gebauer 1970: J. Gebauer. Slovník staročeský. Druhé nezměněné vydání. I–II. Praha. (1. Praha. 1894–1898).
- Gombocz 1913: Z. Gombocz. Hangutánzás és nyelvtörténet // Magyar Nyelvőr. 9, 385–391.
- Jarva 2001: V. Jarva. Some expressive and borrowed elements in the Lexicon of Finnish dialects // Ideophones. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). Typological Studies in Language 44. Amsterdam: John Benjamins Press, 111–120.

- Ibarretxe-Antuñano 2004: I. Ibarretxe-Antuñano. Motion events in Basque narratives // S. Strömquist, L. Verhoeven, Eds., *Relating Events in Narrative: Typological and Contextual Perspectives*. Vol. 2. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 89–111.
- Hinton et al. 1994: L. Hinton, J. Nichols, J. Ohala. Introduction: sound symbolic processes // *Sound Symbolism*. Eds. L. Hinton, J. Nichols, J. Ohala. Cambridge: Cambridge University Press, 1–12.
- Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki: J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. *Słownik języka polskiego*. T. I – VIII. Warszawa, 1900–1927.
- Kilian-Hatz 2001: Universality and Diversity: Ideophones from Baka and Kxoe // *Ideophones*. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). *Typological Studies in Language* 44. Amsterdam: John Benjamins Press, 155–163.
- Klamer 2001: M. Klamer. Expressives and iconicity in the lexicon // *Ideophones*. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). *Typological Studies in Language* 44. Amsterdam: John Benjamins Press, 165–182.
- Klamer 2002: M. Klamer. Semantically Motivated Lexical Patterns: A Study of Dutch and Kambera Expressives // *Language* Vol. 78, No.2, 258–286.
- Kunene 2001: D. Kunene. Speaking the act: The ideophone as a linguistic rebel // *Ideophones*. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). *Typological Studies in Language* 44. Amsterdam: John Benjamins Press, 183–191.
- Machek 1971: V. Machek. *Etymologický slovník jazyka českého*. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha.
- Malkiel 1990: Y. Malkiel. *Diachronic Problems in Phonosymbolism*. Edita and Inedita, 1979–1988. Vol. 1. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Marks 1975: L. E. Marks. On Colored-Hearing Synesthesia: Cross-Modal Translations of Sensory Dimensions // *Psychological Bulletin*. Vol. 82, No. 3, 303–331.
- Muka: E. Muka. *Słownik dolnoserbskeje řeči a jeje narěcow*. I–II. Reprint 1966. Pětrohrad, 1911–1915, Praha, 1926, 1928.
- Nichols 1971: Johanna Nichols. Diminutive Consonant Symbolism in Western North America // *Language*. Vol. 47, No. 4, 826–848.
- Nuckolls 1999: J. B. Nuckolls. The Case for Sound Symbolism // *Annual Review of Anthropology*. Vol. 28, 225–252.
- Ohala 1994: J. J. Ohala. The frequency code underlies the sound-symbolic use of voice pitch // *Sound Symbolism*. Eds. L. Hinton, J. Nichols, J. Ohala. Cambridge: Cambridge University Press, 325–347.

- Pfuhl: Chr. Tr. Pfuhl. Obersorbisches Wörterbuch. Bautzen 1866. Fotomechanischer Neudruck. Bautzen, 1968.
- PSJČ: Příruční slovník jazyka českého. I–IX. Praha, 1935–1957.
- Ramachandran–Hubbard 2001: V. S. Ramachandran, E. M. Hubbard. Synaesthesia – a window into perception, thought and language // *Journal of Consciousness Studies*. Vol. 8. No. 12, 3–34.
- Regier 1998: T. Regier. Reduplication and the Arbitrariness of the Sign // *Proceedings of the Twentieth Annual Conference of the Cognitive Science Society*. Gernsbacher, M and Derry, S. (Eds.). Mahwah NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 887–892.
- Reich 1986: P. A. Reich. *Language Development*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall.
- RJA: Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I–XIX. Zagreb. 1880–1967.
- SGP: Słownik gwary miejskiej Poznania, pod red. Moniki Gruchmanowej i Bogdana Walczaka, Warszawa – Poznań: PWN 1997, Online:
[http://www.poznan.pl/mim/public/slovník/pages.html?co=list&id=8088&instance=1017&lang=pl&lhs=slovník&rhs=null](http://www.poznan.pl/mim/public/slownik/pages.html?co=list&id=8088&instance=1017&lang=pl&lhs=slovník&rhs=null), Accessed: Mart 23 2008.
- SSJ: Slovník slovenského jazyka. Ved. red. Št. Peciar. I–VI. Bratislava, 1959–1968.
- Tedlock 1999: D. Tedlock. Ideophones // *Journal of Linguistic Anthropology*. Vol. 9. No. 1–2, 118–120.
- Vértes 1965: E. Vértes Hangfestés és szószármaztatás // *Magyar Nyelvőr*. 89/2, 157–164.
- Voeltz–Kilian–Hatz 2001: F. K. E. Voeltz, C. Kilian–Hatz. Introduction // *Ideophones*. F. K. E. Voeltz, C. Kilian–Hatz. (Eds.). *Typological Studies in Language* 44. Amsterdam: John Benjamins Press, 1–8.
- Waugh 1993: L. Waugh. Against Arbitrariness: Imitation and Motivation Revived, with Consequences for Textual Meaning // *Diacritics*. Vol. 23, No. 2, 71–87.
- Werner–Kaplan 1963: H. Werner, B. Kaplan. *Symbol formation: An Organismic-Developmental approach to Language and the Expression of Thought*. New York: John Wiley & Sons.
- Wescott 1971: R. W. Wescott. Linguistic Iconism // *Language*. Vol. 47, No. 2, 416–428.

---

¹ Исследование проведено при поддержке гранта № 68568 К, предоставленного венгерским фондом ОТКА.

² О синестезии (буквально «соощущения») или синестемии (буквально «соощущения» и «соэмоции») как психофизиологической основе звуко-символизма см. соответственно (Marks 1975; Ramachandran–Hubbard 2001) и (Воронин 1982: 85–86).